

исходя из даты перевода «Космографии» Меркатора, с одной стороны, и из потребности сотрудников Посольского приказа в более краткой космографии, нежели «Космография» Меркатора, — с другой.

Уступая по богатству сведений «Космографии» Меркатора, «Новому атласу» Блау и другим большим западноевропейским географическим трудам, переведенным в России в XVII в., сочинение Ортелиа играло в распространении географических знаний в русском обществе свою особую роль. Мы уже отметили, что оно являлось, как можно думать, практическим справочником для сотрудников Посольского приказа. Но была у него и еще одна функция. А. Попов указал, что в XVII в. ко второй (1617 г.) и третьей (после 1620 г.) редакциям Хронографа — русского сочинения по всеобщей истории — присоединяются различные статьи-приложения, благодаря чему Хронограф становится «для старинного читателя энциклопедией». В списках третьего разряда третьей редакции Хронографа в числе приложений находятся три разные краткие космографии.²⁸ Одной из них был перевод труда Ортелиа, который благодаря включению в состав Хронографа — одной из наиболее читаемых в России в XVII в. светских книг — приобрел широкую просветительную функцию.²⁹

Переводы на русский язык в XVII в. сочинений Меркатора, Ортелиа, Блау и других выдающихся западноевропейских картографов и географов — показатель не только поступательного развития русской культуры, но и интереса определенных кругов русского общества XVII в. к научным достижениям Западной Европы.

Ю. Н. БЕСПЯТЫХ

ИНОСТРАННЫЕ ОПИСАНИЯ ПЕТЕРБУРГА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Ни один исследователь истории раннего Петербурга не проходит мимо имеющихся в научном обороте описаний города, которые были составлены иностранцами-очевидцами в первой четверти XVIII в. В этих немногочисленных документах¹ нашли отраже-

²⁸ Попов. Обзор, с. 215, 218—219.

²⁹ О том, что интерес к труду Ортелиа не угас в русском обществе и в начале XVIII в., свидетельствует и датированная этим временем рукопись собрания Московского общества истории и древностей российских. См.: Строев П. М. Библиотека Московского общества истории и древностей российских. М., 1845, с. 88—89, № 207.

¹ Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах. СПб., 1860. — 2-ю публикацию см.: Русская старина, 1882, т. 36, октябрь, с. 33—60; ноябрь, с. 293—312; Либгаль Е. Э., Луппов С. П. «Описание... столичного города С.-Петербурга...». — В кн.: Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1975, с. 197—247; Петербург в 1720 году:

ние топография молодого города, его архитектура, экономическая, политическая и культурная жизнь, приведены особенности быта и правовых различных слоев населения, а также характеристики Петра I и его окружения. В целом подобные сочинения позволяют составить представление об облике и жизни новой российской столицы на самых первых этапах ее развития и существенно дополняют сведения, почерпнутые из отечественных архивных источников.

Помимо широко известных имеется также еще несколько более или менее систематических изображений Петербурга первой четверти XVIII в., до сих пор мало или вовсе не учитываемых в научной литературе.

Оговоримся, что обилие нового материала неминуемо придает настоящей статье скорее обзорный характер. Та же причина заставляет показать лишь некоторые детали, интересные частности в сочинениях иностранных авторов.

Первое описание входит в состав неопубликованной рукописи «Состояние России при Петре I» шведа Ларса Юхана Эренмальма,² находившегося в русском плену и бывшего в Петербурге в конце 1710—начале 1711 г. и в 1712 г.³ Л. Ю. Эренмальм, завершивший свой обширный трактат в 1714 г., был знаком с изданным в Лейпциге анонимным «Описанием Санкт-Петербурга и Кроншлота...»: «Напечатанное в 1713 году описание города Петербурга может быть названо довольно точным, но приведенные там суждения о министрах представляют весьма незначи-

---

Записки поляка-очевидца. — Русская старина, 1879, т. 25, июль, с. 263—290. — Значительные, хотя и не систематизированные, сведения о петровском Петербурге имеются на страницах сочинений Ю. Юля (Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1899) и особенно Ф. В. Берхгольца (Дневник камер-юнкера Берхгольца. М., 1902—1903, ч. 1—4).

² *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd under Peter I.* — Рукопись хранится в Рукоп. отд. Б-ки Упсальс. ун-та (Швеция), шифр Н 195. Микрофильм рукописи имеется в Архиве Ленингр. отд-ния Ин-та истории СССР АН СССР. Об авторе и его труде см.: *Беспялых Ю. Н.* 1) Сочинение Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I» (1714 г.). — История СССР, 1984, № 5, с. 141—150; 2) Экономическая география в сочинении Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I» (1714 г.). — В кн.: География России XV—XVIII вв.: (По сведениям иностранцев). Л., 1984, с. 66—98. — О Петербурге см. с. 92—95.

³ Описание Петербурга помещено на с. 260—273 сочинения, оно с некоторыми сокращениями опубликовано в статье: *Беспялых Ю. Н.* Страницы старинной рукописи. — Нева, 1982, № 5, с. 186—189. — Финляндский историк М. Г. Шюбергсон, автор биографического очерка об Л. Ю. Эренмальме, кратко изложил содержание его рукописи (*Schybergson M. G. Lars Johan Ehrenmalm: Biografisk teckning.* — *Skrifter utgivna af Svenska litteratursällskapet i Finland.* 1887—1888. Helsingfors, 1888, IX, s. 120—160). Пересказ этого издания см.: *Грот Я. К.* Неизвестное сочинение о России при Петре I. — Русский вестник, 1888, т. 197, август, с. 350—354. — Со слов М. Г. Шюбергсона, описание Петербурга упоминает также М. М. Бородкин (*Бородкин М. М.* История Финляндии: Время Петра Великого. СПб., 1910, с. 58).

тельную цепность».⁴ Наблюдения Л. Ю. Эренмальма по времени в значительной части должны были совпадать с наблюдениями анонимного автора этого документа и содержат целый ряд интересных деталей.

Л. Ю. Эренмальм начинает свое описание с Петропавловской крепости, сообщая, в частности: «... когда я в 1712 году проезжал здесь, стены были возведены более чем наполовину. Внутри крепости есть лишь немецкая и русская церкви, несколько деревянных домов для находящихся там гарнизонных офицеров, пороховой погреб, который сделан сводчатым, красивые двойные казармы для рядового состава, тоже сводчатые и построенные из кирпича, а также аптека. Обер-комендантом крепости был генерал-лейтенант Брюс, унтер-комендантом — один русский, и гарнизон летом 1712 года состоял примерно всего лишь из 1000 человек, так как остальных отправили с войсками, которые должны были идти в Финляндию. Подполковник Хепнинг (В. М. Гепнин. — Ю. Б.) надзирал за артиллерией и фортификационными работами. Крепостные стены были довольно густо уставлены орудиями, главным образом из числа захваченных во время этой войны. Крепость стоит на другой стороне маленького протока, а на суше, где расположена русская слобода, есть крошечный, окруженный земляным валом; он предназначен как для складских помещений, так и для охраны стоящих зимой в маленькой речке казенных кораблей».⁵

Затем следует рассказ о русской и немецкой слободах, Летнем саде, Адмиралтействе, Васильевском острове, Московской стороне, застройка которой тогда только начиналась. Сообщив историю возникновения Кроншлота, автор пишет: «Понятно удивление шведов, весной 1704 года подошедших на кораблях и обнаруживших здесь крепость, защищавшую и преграждавшую им проход там, где они осенью прошлого 1703 года не могли заметить ни малейших работ, ни намека на них. Сама эта крепость деревянная, восьмиугольная, с орудиями, установленными в три этажа. На нижнем этаже 24-фунтовые, на среднем — 12-фунтовые и на верхнем — 9-фунтовые орудия». И далее: «Тамошние морские офицеры мне рассказывали, что этот блокгауз весной сильно

---

⁴ *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd under Peter I, s. 5.* — Изданная в Лейпциге брошюра вызывает дополнительный интерес потому, что, как показал советский исследователь раннего Петербурга С. П. Луппов, знакомил нас с городом в момент завершения первого этапа его строительства; второй этап начался именно в 1710—1711 гг.: после Полтавской победы, позволившей уверенно рассчитывать на благоприятный исход Северной войны со Швецией и сохранение территории, на которой выросал Петербург, были проведены мероприятия по регламентации застройки города (*Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957, с. 20*). До недавнего времени немецкое описание считалось единственным современным изображением Петербурга на первом этапе его истории.

⁵ *Беспятых Ю. Н.* Страницы старинной рукописи, с. 187.

страдает от льда и воды, так что они порою весьма опасаются, как бы вода не опрокинула возведенную в море крепость».⁶

Заслуживают внимания слова автора о задуманном Петром городе на Котлине: «На этом острове царь хочет построить так называемый Новый Амстердам. Для этой цели уже приготовлено различное снаряжение, и проект должен принять такой вид, что и Амстердам в Голландии, по той причине, что ни один город за границей не поправился царю столь сильно. В 1713 году прибыл выписанный из Берлина строитель по имени Шлютер (А. Шлютер. — Ю. Б.), который должен осуществить этот план. В городе будет семь главных улиц, и в центре города разместится резиденция царя».⁷

В рассказе о Петербурге не могла не занимать видного места фигура Петра. «Я с величайшим удивлением наблюдал, как он осенью, когда ветер валит мачты и поднимается буря, целый день плавал по реке Неве, причем без отдыха, хотя погода ему порою довольно сильно препятствовала; насытившись этим развлечением, царь шел на своем буере или шлюпке в Кроншлот». Несколько ниже автор сообщает: «Царь так привязан своим сердцем и чувствами к Петербургу, что добровольно и без сильнейшего принуждения вряд ли сможет с ним расстаться. Он также неоднократно говорил, целуя крест, что скорее потеряет половину своего государства, нежели Петербург».⁸

Кроме того, Петр «использует также Петербург в качестве исправительного дома для большей части русского дворянства, которая... питает тайную ненависть к своему повелителю».⁹

Необычайная энергия Петра, развитие торговли, сказочные темпы роста города произвели сильное впечатление на иностранного наблюдателя, записавшего: «За десять лет Петербург, пожалуй, вырастет в один из самых больших городов на Балтике».¹⁰ В другом месте рукописи сказано: со временем он «станет одним из превосходнейших городов на Балтийском море».¹¹

В марте 1714 г. в Петербург впервые приехал капитан Питер Генри Брюс — шотландец на русской службе, родственник видных деятелей петровской эпохи Р. В. и Я. В. Брюсов. В мемуарах, изданных сначала на английском языке в Лондоне,¹² затем

⁶ Там же, с. 188.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 188—189.

⁹ Там же, с. 189.

¹⁰ *Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd under Peter I, s. 264.*

¹¹ *Беспятых Ю. Н.* Страницы старинной рукописи, с. 189.

¹² *Bruce P. H. Memoirs of Peter Henry Bruce... a military officer in the services of Prussia, Russia and Great Britain. Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies... London, 1782.* — О Петербурге см. с. 115—131. Переиздана репринтом в Лондоне в 1970 г. Об описании Петербурга в этом издании упоминал И. Э. Грабарь, см.: *Грабарь И. Э.* Основание и застройка Петербурга. — В кн.: *Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и мате-*

на немецком в Лейпциге,¹³ получило отражение его многолетнее (с 1710-по 1724 г.) пребывание в России.

Петербург, который «теперь находится в поре своего детства», не оставил шотландца равнодушным: «Всякий с удивлением и восхищением смотрел на быстрое развитие и рост этого города, в котором за краткое время уже было построено много тысяч домов».¹⁴

П. Г. Брюс рассказал о наиболее примечательном в городе, дал характеристику Петра и некоторых особенностей его быта, сообщил об устроенных Петром развлечениях петербургского общества, о загородных дворцах. Сочинение шотландца не лишено весьма любопытных подробностей. Так, говоря о Летнем саде, он сообщает: «Здесь есть чрезвычайно красивые сады и большой парк, окруженный широким и глубоким каналом. В садах много фонтанов, итальянских статуй и крытых аллей с деревьями, образующими свод. Красивая аллея на берегу реки состоит из больших деревьев, которые были в середине зимы выкопаны с большой массой замерзшей земли на корнях, привезены сюда и посажены в этом порядке, и здесь они, ко всеобщему удивлению, зацвели».¹⁵

Удачно передан автором трудовой ритм на берегах Невы: «Большое оживление, царившее тогда во всех частях города, не поддается описанию; целыми днями не было видно и слышно ничего, кроме купцов и рабочих, которые либо строили корабли и галеры, каменные и деревянные дома, либо копали каналы и мостили улицы. Река постоянно была заполнена большими судами, привозившими всевозможные материалы — кирпич и черепицу для стен и крыш, камень для мостовых. И поскольку каждый был занят тем или иным делом, то не было видно ни единого праздного человека».¹⁶

Признавая за описанием П. Г. Брюса достоинства, необходимо вместе с тем отметить, что не все петербургские впечатления, записанные им под 1714 г., относятся к этому времени. Так, по сообщению шотландца, в Летнем саду уже находился знаменитый Готторпский глобус¹⁷ (изготовленный в 1644 г. А. Бушем и подаренный Петру герцогом Голштинским Карлом-Фридрихом в конце 1713 г.). Однако огромный глобус везли в Петербург целых четыре года, и в 1714 г. он не мог находиться среди

риалы. М., 1954, с. 96. — Место, где П. Г. Брюс рассказывает о домике Петра, цитируют с глухой ссылкой на источник и в вольном переводе О. П. Кузнецова, А. К. Сементовская и Ш. И. Штейман в кн.: Летний сад. Летний дворец. Домик Петра I. Л., 1968, с. 87.

¹³ Bruce P. H. Des Herrn Peter Heinrich Bruce, eines ehemaligen Officiers in Preussischen, Russischen und Grossbritannischen Diensten, Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Russland, die Tartarey, Turkey, Westindien... Leipzig, 1784. — О Петербурге см. с. 134—152.

¹⁴ Bruce P. H. Memoirs..., p. 116.

¹⁵ Ibid., p. 119.

¹⁶ Ibid., p. 121.

¹⁷ Ibid., p. 119.

экспонатов Кунсткамеры, действительно размещенных тогда в Летнем дворце Петра.¹⁸

Другие источники относятся к середине 1720-х гг. Они частично выходят за рамки первой четверти XVIII в. Однако авторы, посетившие Петербург на другой год после смерти Петра, видели город по существу таким, каким оставил его покойный император. Стало быть, их описания как бы венчают собой литературные источники, посвященные изображению петровского Петербурга, и не могут не учитываться при исследовании темы.

Со 2 марта по 3 апреля 1726 г. в Петербурге находился великий гетман литовский Я.-К. Сапега, прибывший сюда для обручения своего сына с дочерью А. Д. Мешникова Марией. Обручение состоялось 13 марта, спустя несколько дней гетман получил от Екатерины I чин генерал-фельдмаршала. Анонимный автор небольшого сочинения, изданного на польском языке без указания места и года и озаглавленного «Диариус пути из Вильно в Петербург и пребывания в Петербурге пана Сапеги, старосты Бобруйского, а теперь фельдмаршала российских войск»,¹⁹ находился в свите гетмана.

Доктор медицины Пьер Дешизо — первый француз, составивший описание Петербурга, — дважды побывал в морской столице России. Результатом первого путешествия, совершенного в 1724 г. с целью определиться на русскую службу, явился «Мемуар в пользу изучения естественной истории растений России и основания Ботанического сада в Санкт-Петербурге», изданный без указания места в 1725 г.²⁰ Это сочинение, напечатанное на французском и латинском языках, помимо собственно проекта Ботанического сада содержит любопытные сведения о научной жизни Петербурга, прежде всего в области ботаники и медицины.²¹

Не увенчался успехом и второй приезд П. Дешизо в Петербург осенью 1726 г. — на русскую службу поступить ему не удалось. И на этот раз он по возвращении в Париж не замедлил издать книжку под названием «Путешествие в Московию...»,²²

¹⁸ *Итс Р. Ф.* Кунсткамера. Л., 1980, с. 12—15; *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953, с. 21—22. — Правда, по С. П. Лушпову, глобус был доставлен в Петербург уже в конце 1714 или в начале 1715 г. (*Лушпов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 325).

¹⁹ *Dyaryusz drogi z Wilna do Peterburga ... Pana Sapieli, starosty Bobruyskiego, a teraz Felt-Marszalka Woysk Rosyiskich, u Kontynuacyi, Resydencyi w Peterburgu.* S. I. et a. — Об этом документе есть заметка В. Грицкевича «В летопись Петербурга» (Нева, 1983, № 7, с. 206).

²⁰ *Deschisau P.* Mémoire pour servir à l'instruction de l'histoire naturelle des plantes de Russie, et à l'établissement d'un jardin botanique à Saint-Petersbourg. S. I., 1725; 2 ed. S. I., 1728.

²¹ О деятельности П. Дешизо в России как ботаника см.: *Княжецкая Е. А.* У истоков русской ботаники: (К 300-летию со дня рождения Петра I). — Ботанический журнал, 1957, т. 52, № 1, с. 144—146.

²² *Deschisau P.* Voyage de Moscovie, présenté a monsieur Herault, Lieutenant General de Police de la Ville, Prevosté et Vicomté de Paris. Paris. 1727. — Было также второе издание под названием: *Description d'un voyage*

на страницах которой выступил наблюдательным путешественником, пожелавшим поделиться с французским читателем впечатлениями от русской столицы, «изложить точно и во всех подробностях», что он «там заметил обращающего на себя внимание». ²³

В сочинении нашли отражение некоторые любопытные реалии петербургской жизни. Например, П. Дешизо пришлось спастись от большого наводнения, случившегося 1 ноября 1726 г., когда вода в Неве поднялась на 259 см выше ординара. ²⁴ Насыщено красочными деталями изображение праздника, устроенного австрийским послом в Петербурге графом Рабутэпом. ²⁵ П. Дешизо предложил также вполне систематическое описание наиболее примечательных построек в городе и его окрестностях, попутно сообщая различные бытовые и другие подробности, которые могут представлять интерес для историков города. Так, о госпитале на Выборгской стороне, возводившемся каменным строением на месте мазанкового здания, он писал: «Рядом с рафинадным заводом — недостроенный новый госпиталь. Он должен быть разделен на два корпуса — один для солдат, другой для матросов. С двух сторон здания находятся два амфитеатра для анатомического расчленения и демонстрации. Залы по длине разделены на меньшие помещения, в которых топят печи. Те, кто имеет одинаковые болезни, собираются вместе. Имеются бани для больных». ²⁶

Наиболее подробные сведения о Петербурге приводит другой француз — Обри де ла Мотрэ, прошедший на берегах Невы конец сентября и октябрь 1726 г. О. де ла Мотрэ был путешественником, посетившим в 1696—1726 гг. многие страны Европы, Азии и Африки. Книга путешествий, в которую вошел рассказ о Петербурге, написана и издаана автором в 1732 г. с параллельными текстами на двух языках и получила название «Путешествие на английском и французском О. де ла Мотрэ по различным провинциям и местностям герцогской и королевской Пруссии, России, Польши и т. д.». ²⁷

---

fait à St.-Petersbourg. Paris. 1728. — Эту книгу П. Дешизо упоминает А. Л. Гольдберг в публикации: Первая поэма о Петербурге. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. 1979. Л., 1980, с. 19, 20.

²³ Deschisauz P. Voyage de Moscovie... p. 15. — Переводы из сочинения П. Дешизо выполнил Н. Л. Сухачев. Рассказу французского автора о Петербурге посвящена специальная работа, подготовленная к печати нами совместно с Н. Л. Сухачевым, поэтому здесь ограничимся краткой характеристикой сочинения.

²⁴ Рассказ француза о наводнении приведен в статье: *Беснятых Ю. Н., Сухачев Н. Л.* Первые в истории города. — Нева, 1985, № 3, с. 191.

²⁵ Deschisauz P. Voyage de Moscovie... p. 18—20.

²⁶ Deschisauz P. Voyage de Moscovie... p. 20.

²⁷ *Motraye A. de la.* Voyage en Anglois et en François d'A. de la Motraye, en diverses provinces et places de la Prusse Ducale et Royale, de la Russie, de la Pologne... La Haye; A Londres; A Dublin, 1732. — С этим описанием знакомился С. П. Луппов, изучавший книжные собрания в России. См.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964, с. 12, 28, 31. — То же см. в кн.: *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти

Петербургу в книге посвящено свыше полуста страниц.²⁸ Автора отличает не только редкая наблюдательность, развитая за три десятилетия странствий, но также пристальное внимание к мелочам, деталям, обычно оставшимся вне поля зрения иностранцев, писавших о петровском Петербурге. О. де ла Мотрэ описал все наиболее примечательное в городе.

Некоторые сведения о Петербурге содержит дневник шведского студента Юхана Йерне, прибывшего в город на Неве в феврале 1725 г., проведшего в России полтора года и вернувшегося в Стокгольм летом 1726 г. С содержанием дневника мы знакомы по статье Т. Ю. Арне, который изучил этот неопубликованный документ в рукописи на французском языке и привел обширные выдержки в шведском переводе.²⁹

В сочинениях указанных авторов могут быть выделены общие темы. Например, достопримечательностью города оставался катафалк с гробом Петра, стоявший в Петропавловской крепости.³⁰ Путешественники посетили Кунсткамеру и описали ее экспонаты, произведшие большое впечатление своим разнообразием и богатством.³¹

Автор «Диариуша» и О. де ла Мотрэ предложили развернутые сообщения о Кронштадте и Кроншлоте. Поляк под 19 марта рассказал о «дамбах с галереями», ограничивавшими кронштадтские гавани для военных кораблей и торговых судов. На дамбах и вокруг крепости он увидел несколько сот орудий, направленных в сторону моря. В купеческой гавани стояло 20 больших и 15 меньших судов, а в большой военной — 38 кораблей. Автор сообщил также о построенных на воде арсеналах и складах для хранения корабельных припасов.³²

Спустя полгода Кронштадт и Кроншлот подробно описал О. де ла Мотрэ, поместивший в своем труде также план Кронштадта.³³ В гавани, сообщает француз, имеющей глубину от 22 до 42 футов, может поместиться свыше тысячи военных кораблей; она ограничена деревянным молом, воздвигнутым в воде на сваях и заполненным фашинами и другими материалами. Внутри этой гавани находится меньшая, способная вместить до ста ко-

---

XVIII века, с. 325, 348, 351. — Описание цитирует А. Л. Гольдберг (Первая поэма о Петербурге, с. 19).

²⁸ *Motraye A. de la. Voyage...*, p. 224—278.

²⁹ *Arne T. J. Johan Hiärne och moskoviterna*. — In: Arne T. J. *Det stora svitjod: Essayer om gångna tiders svensk-ryska kulturförbindelser*. Stockholm, 1917, s. 152—173.

³⁰ *Ibid.*, s. 166; *Dyaryusz...*, s. [4]; *Motraye A. de la. Voyage...*, p. 227—228. — Ср. по русским источникам: *Прокопович Феофан*. Краткая повесть о смерти Петра Великого... СПб., 1831, с. 116—117; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России... М., 1789, т. 9, с. 213—222.

³¹ *Dyaryusz...*, s. [8]; *Deschisau P. Memoire...*, p. 4—6; *Motraye A. de la. Voyage...*, p. 248—251.

³² *Dyaryusz...*, s. [8—9].

³³ План опубликован (без пояснений и указания на источник) в кн.: *Житков К. Г.* История русского флота: Период петровский. 1672—1725. СПб., 1912, с. 186.

раблей; есть также третья гавань для торговых судов. О. де ла Мотрэ видел около 20 стоявших там военных кораблей, среди них «Фридрихштадт», «Александр» и «Ингерманланд». «Все корабли, виденные мною в этой гавани, были по большей части лишены мачт и находились в скверном состоянии», «у многих кораблей сгнили днища». Путешественник насчитал не менее 200 пушек в крепости Кроншлот и 970 — на батареях Кронштадтской «цитадели». Далее сказано о складах для хранения пороха и всевозможных припасов. Француз заходил в склады и «нашел их... почти пустыми».³⁴

И поляки (20 марта 1726 г.), и О. де ла Мотрэ (в октябре того же года) посетили новый Сестрорецкий оружейный завод в Дубках, начавший работать в 1724 г. Приведем сообщение польского автора, которое, насколько нам известно, является единственным ранним источником такого рода, подробно описывающим устройство завода и технологию производства.³⁵

20 марта поляки «поехали... в Дубки для осмотра различных особым искусством производимых из железа изделий. А прежде всего в первой кузнице 120 колес, при каждом колесе свои люди, и ничего больше, кроме стволов для ружей; каждым колесом изнутри вывинчивают четыре ствола и выделывают стволы. Наверху в той же кузнице, той же водой, поворачивающей колеса, стволы чистят и шлифуют изнутри, чтобы не было никакого изъяна. В другой такой же кузнице 80 каменных точил, также вращаемых водой; ими шлифуют снаружи стволы и другое. В третьей кузнице, еще большей, находятся выше ста мехов, разводящих огонь тоже с помощью воды, где выделывают замки и другие принадлежащие к ружьям части. В пятой отковывают шпаги, рапиры, штыки и т. д. В шестой железо *łosuja* и выливают. Там пруты железа силою воды искусно разделяют вдоль на несколько частей. Наверху этой же водой из прутков вытягивают проволоку — толстую, потоньше и самую тонкую. В седьмой делают новые якоря для кораблей, а старые переделывают; также бьют и выделывают огромными молотами, используя силу воды. Невозможно описать и перечислить все иные предметы, которые во многих огромных кузницах выделывают силою воды, и не только делают все, что относится к железным изделиям, но также гралят и шлифуют латунные предметы, на *gręmetalach* офицерских шпаг, охотничьи ножи, ружья, пожницы и другое; отделывают ружья, оправляют шпаги и т. д. и выделывают иные изящные вещи. Кроме того, неподалеку от кузницы, через воду, много мест, где делают разные селитру, серу и порох. Также лесопилы, которые могут распиливать одновременно 60 досок. И все это при помощи воды, которая подведена от моря под землей

³⁴ *Motraye A. de la. Voyage...*, p. 260—263.

³⁵ См.: специальную работу: *Бранденбург II. Е. Сестрорецкий оружейный завод в первой половине XVIII столетия. — Оружейный сборник, 1882, № 3, смес., с. 1.*

двумя каналами за версту и больше, а двумя выходит из пруда, и эта вода течет поверху над кузнями и у каждого колеса спускается, но ее, если пужно, можно удержать легким орудием».³⁶

О. де ла Мотрэ в своем кратком рассказе о посещении завода отметил, что «водяные машины и кузницы весьма напоминают шведские», но здесь «изделия доводят до гораздо большего совершенства, чем в Швеции. Рабочие почти все были русские, так что эта нация, научившись у иностранцев, превзошла их».³⁷

Представляют интерес и другие сюжеты из обширного описания О. де ла Мотрэ. Прибыв в Петербург из Шлиссельбурга водой, француз приступил к подробному рассказу о Петропавловской крепости и застройке Троицкой площади (ныне площадь Революции). Чрезвычайно любопытно изображение тамошнего рынка: «Большой рынок, называемый по-русски „лавочки“, расположен к северо-западу от Троицкой церкви и выходит на значительную часть площади... Это большое четырехугольное здание, образующее пустой двор, с четырьмя воротами. Оно представляет собой правильную постройку в два этажа, с помещениями, предназначенными для хранения товаров и для лавок, где товары продают. Постройка окружена двумя большими галереями снаружки и еще двумя меньшими изнутри. У четырех ворот стоят часовые».³⁸ О бирже, находившейся там же, он пишет: «Биржа — тоже деревянная постройка и расположена к северо-западу от этого места, но ее никак не использовали: купцы встречались у лавочек либо шли в наружную галерею, чтобы укрыться от непогоды». Затем автор пересек Неву, заплатив за перевоз «две, три или четыре копейки в императорскую кружку», и оказался на нынешней Дворцовой набережной «длинной свыше 800 шагов и 30 шириной».³⁹ Пройдя по набережной и попутно рассказав о расположенных на ней зданиях, француз достиг Летнего сада и также сообщил о нем подробные сведения. Далее прошел вверх по течению Невы до дома И. Г. Шумахера, который «живет не менее чем в доброй версте от императорского дворца». Секретарь Академии познакомил путешественника с академической библиотекой, приведшей того в восхищение своим богатством.

Затем мимо Литейного двора О. де ла Мотрэ выбрался на «дорогу Александра Невского» и направился по ней в сторону Адмиралтейства. Упомянув о «большом рукаве» — Фонтанке, путешественник сообщает: «Этот рукав в месте, где он пересекает упомянутую дорогу, переходят по подъемному мосту длиной примерно 50 шагов и состоящему из двух частей. В середине он скреплен; мост построен совершенно по голландскому образцу, как и многие другие, там и сям перекинутые через все разно-

³⁶ Dyaryusz..., s. [9—11].

³⁷ *Motraye A. de la. Voyage...*, p. 265.

³⁸ *Ibid.*, p. 240.

³⁹ *Ibid.*, p. 241.

образные каналы. Там есть маленькая канава. По обе стороны дороги — фонари на столбах на английский манер, столбы установлены на расстоянии приблизительно от 45—50 до 30 шагов друг от друга. Маленький рукав, образующий... Адмиралтейский остров, также пересекает эту дорогу примерно в середине предместья, и там через него есть еще один подъемный мост, ненамного короче, чем предыдущий.

Следуя этой дорогой, которая имеет одинаковую ширину, везде хорошо вымощена и кончается у Адмиралтейства, по левую руку видишь рынок, подобный тому, о каком я упоминал на Троицком острове, с двумя рядами лавок, по меньших и более низких, где продают старое платье, домашнюю обстановку и т. д.

Справа есть площадь окружностью свыше тысячи шагов, на одной части ее сений рынок... Продолжая следовать большой дорогой св. Александра Невского на юго-запад, слева видишь другую площадь...»⁴⁰

Таким образом, О. де ла Мотрэ проследовал по Аничкову мосту через Безымянный ерик (Фонтанку) по Большой перспективной дороге, в 1738 г. получившей официальное наименование «Невская перспектива», а в 1783 г. переименованной в Невский проспект.⁴¹ Затем француз проехал по мосту через Болотный ручей, называвшийся также «Глухим протоком», или «Кривушей», на месте которого впоследствии прорыли Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова). Мытный, или Гостиный, двор, отмеченный путешественником слева от Большой перспективной дороги, стоял на правом берегу Мойки; он сгорел во время пожара 1736 г. О сенином рынке справа первый историкограф Петербурга А. П. Богданов писал: «На Адмиралтейской стороне сениная площадка, на которой сено и дрова, также и щепные вещи продаются».⁴² «Маленький рукав... образующий Адмиралтейский остров», — р. Мойка. Далее в книге предложено описание Адмиралтейства и окружающих его построек, «Галерного адмиралтейства».

Заслуживает пристального внимания детальное изображение загородных дворцов и парков — Стрельны, Петергофа, Ораниенбаума. Кроме того, О. де ла Мотрэ описал Васильевский остров, начав рассказ о нем с дворца А. Д. Меншикова, церкви и копошен при нем. Далее сказано о строившемся для Петербургской академии наук здании — пынешней Кунсткамере. «Во времени моего пребывания в Петербурге постройка этого здания была уже в значительной степени произведена. Если она теперь завершена, это здание должно быть одним из превосходнейших сооружений такого рода в Европе».⁴³ О. де ла Мотрэ перечислил профессо-

⁴⁰ Ibid., p. 252—254.

⁴¹ Медерский Л., Пилявский В. Невский проспект. М.; Л., 1959, с. 12, 17.

⁴² Богданов А. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779, с. 125.

⁴³ Motraye A. de la. Voyage..., p. 270.

ров Академии, которые были, по его отзыву, «все люди выдающихся способностей и знаменитые своей ученостью», указал род занятий и расписание лекций каждого, а также сообщил об организованной при Академии гимназии.⁴⁴

Посвященная Петербургу глава сочинения завершается обстоятельным рассказом о монастыре Александра Невского, насыщенным деталями, которые освещают монастырский быт. В частности, очень хорошо изображена попойка монахов, свидетелем и невольным участником которой оказался француз.

Описание Петербурга, составленное французским путешественником, привлекает точностью топографического изображения, обилием бытовых деталей, живыми характеристиками Петра, Екатерины, А. Д. Меншикова, других деятелей эпохи. Небезынтересны в изложении автора и сценки, которых сам он не наблюдал, но рассказы о них записал с чужих слов. Таков рассказ о живописном шествии всешутейшего собора, сопровождавшемся соответствующими церемониями.⁴⁵

Подробный комментарий изученных документов вынужденно остался за рамками настоящей статьи. Однако анализ убеждает в их несомненной ценности как источников по ранней истории Петербурга. Многочисленные факты и сведения, заключенные в них, охватывая важные и еще недостаточно исследованные стороны петербургской жизни, позволяют уточнить и расширить представления о петровском Петербурге. Эти документы также интересны как источники по истории международных культурных связей России первой четверти XVIII в., существенно дополняющие небольшую группу широко известных источников такого рода.

---

⁴⁴ Сведения о профессорах Академии и расписании их занятий автор взял, по всей видимости, из специального объявления, напечатанного 14 января 1726 г. на русском и латинском языках (см.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885, т. 1, с. 160—172). Поэтому, например, француз упоминает среди членов Академии химика М. Бюргера, приехавшего в Петербург 13 марта и скончавшегося 22 июля 1726 г. См.: *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977, с. 98—99.

⁴⁵ *Motraye A. de la. Voyage...*, p. 231.